

НАУЧНЫЙ КОНТЕКСТ

ОТЗЫВ

ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ О ДИССЕРТАЦИИ ВАЛЬЯНОВА НИКИТЫ АЛЕКСАНДРОВИЧА «ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР М.А. ТАРКОВСКОГО: ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ, ГЕРОЙ», ПРЕДСТАВЛЕННОЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 10.01.01 – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ Д. 212.038.14 ПРИ ФГБОУ ВО «ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Творчество М.А. Тарковского на протяжении последних лет привлекает все большее внимание литературоведов. Несмотря на наличие значительного количества критических и аналитико-интерпретационных статей о поэзии и прозе писателя, данное исследование является всего лишь второй диссертацией, посвященной специфике его поэтики. Системное описание художественного мира М.А. Тарковского в диахроническом аспекте произведено впервые, что, несомненно, обуславливает **новизну** и **актуальность** настоящей работы.

В исследовании автор характеризует идеологию и поэтику классического традиционализма, начиная с текстов представителей «деревенской прозы» (Ф. Абрамова, В. Белова, В. Распутина, В. Астафьева, Б. Екимова), и заканчивая произведениями современных мастеров (Р. Сенчина, А. Варламова, О. Павлова), которые позиционируют себя наследниками традиционализма в культуре рубежа XX–XXI веков.

Н.А. Вальянов исследует творчество М.А. Тарковского как писателя переходного периода, обозначает основные этапы его художественного становления, подтверждает свою позицию анализом конкретных произведений: от ранней прозы, отмеченной кризисом национальной идентичности, к зрелым произведениям мастера, в которых намечена перспектива сохранения традиционных ценностей, попытка их переосмысления.

Во **введении** нашли отражение все необходимые для диссертационного сочинения формальные положения, четко обозначены теоретико-методологические основы исследования. В обзоре научно-исследовательской литературы Н.А. Вальянов продемонстрировал хорошее знание трудов по истории и теории литературы. Идеи предшественников с максимальной эффективностью

использованы им для постановки и решения собственных задач. Творчество М.А. Тарковского органично вписано в современный литературный процесс.

В первой главе диссертации «Художественное пространство и время в поэтике М.А. Тарковского» изучен пространственно-временной аспект художественного мира писателя. Показано, какие трансформации в прозе М.А. Тарковского приобретают базовые для традиционализма константы мира: дом, деревня, лес (тайга), город, река, дорога. Сделан вывод, что для эстетики писателя характерен переход от кризисного к идиллическому «топохрону» (М. Эпштейн), в чем, собственно, и состоит уникальность творчества М.А. Тарковского по сравнению с традиционалистской поэтикой.

Особое внимание в диссертации уделено проблеме «Запад–Восток» как одной из ключевых для эстетики отечественного традиционализма в целом. Художественное воплощение антиномии и попытки ее разрешения демонстрируются на материале поздних текстов писателя («Тойота-Креста», «Полёт совы»), где с публицистической открытостью представлены идеологические убеждения мастера.

В работе отмечено влияние на позднее творчество М.А. Тарковского идей неоевразийства, что расширяет проблемное поле исследования. Н.А. Вальянов не только антитетически сопоставляет пространственные образы, выявленные им в произведениях М.А. Тарковского, но демонстрирует постепенное сближение оппозиционных топосов через ключевое для поэтики писателя пространство дороги. Достаточно интересно выстроено сопоставление поздней прозы М.А. Тарковского с поэтикой «нового реализма», прежде всего, с текстами Р. Сенчина и З. Прилепина.

Спорным представляется понимание автором диссертации идиллического хронотопа. В одном из положений, выносимых на защиту, заявлено: «Чертами идиллического хронотопа в художественном мире писателя отмечены тайга, река и дорога» (с. 21). Однако дорога и идиллия – две вещи несовместные. М.М. Бахтин в классической работе «Формы времени и хронотопа в романе» (глава «Идиллический хронотоп в романе») подчеркивал: «Пространственный мирок этот ограничен и довлеет себе, не связан существенно с другими местами, с остальным миром». Признаки идиллического хронотопа Н.А. Вальянов выявляет, в частности, в рассказе «Паша»: «В рассказе “Паша” (2003) автор продолжает традицию идиллического описания жилища охотников, подчёркивая их сложившийся хозяйственный быт: “Избушка была забита свеженаколотыми дровами, на столе стояла пол-литровая банка с повидлом, сгущёнка, лежали папиросы, на нарах – расстеленные

одеяла, всё было как в доброй каюте для доброй дороги”» (с. 70-71). Дом-каюта – это, конечно, псевдом или даже антимом, не идиллический по определению.

Вторая глава предлагает систематику персонажей прозы М.А. Тарковского с опорой на классификацию Ю.М. Лотмана по критерию подвижности/неподвижности героя в пространстве.

При этом стоит отметить, что диссертант не обходит вниманием теоретические вопросы исследования, посвященные концепции литературного героя в поэтике современной традиционалистской прозы, ссылаясь на достаточно авторитетные научные работы в этой области.

В диссертационном исследовании отмечена динамика главных героев прозы: от персонажей патриархальных, «неподвижных» к персонажам пути, «пограничным» и, далее, – к героям автобиографического характера.

Значительное внимание уделено образу избранного героя, который претерпевает художественную эволюцию в связи с изменением авторского мировосприятия. Диссертант выделяет ключевые для художественного мира писателя фигуры: природного пахаря, воплощающего мужской патриархальный тип; героя-охотника, который способен преодолевать границы миров и героя-интеллектуала, роль которого ситуационно усилена в зрелых и поздних произведениях М.А. Тарковского. В этом отношении важны рассуждения о том, что с образом интеллигента, выражающим авторское Я, тесно связана идея единения ключевых топосов в структуре художественного мира писателя. Отдельное внимание уделено характеристике персонажей-маргиналов, среди которых выделены образы скитальцев, бичей, алкоголиков-инородцев, чудиков.

Оригинальным решением писателя, по сравнению с классической «деревенской прозой», является создание новой модели сюжетного перемещения: «деревня → город», «деревня → город → деревня», «тайга → город → тайга», «город → деревня (тайга)». Автором работы также отмечается, что понимание писателем концепции избранного героя соотносится с представлениями об отшельническом образе жизни, что с одной стороны, кажется достаточно очевидным, но не бесспорным.

В **заключении** диссертационной работы сформулированы основные выводы научного исследования, выявлены концептуальные положения, отражающие суть идеологии и мифопоэтики М.А. Тарковского, а также обозначены перспективы дальнейшего изучения художественной прозы писателя.

Дедуктивная логика построения каждой главы диссертации: от общетеоретических данных о терминах «время», «пространство»,

«герой» к характеристике этих составляющих художественного мира в традиционалистской прозе и в произведениях М.А. Тарковского, – все это позволяет сделать выводы максимально доказательными и **достоверными**. Способность вписать частные наблюдения в широкий культурный контекст, собственно, является одной из наиболее впечатляющих характеристик данного диссертационного исследования.

Похвально, что Н.А. Вальянову удалось избежать «подгонки» наблюдений над текстом под имеющиеся классификации. Представленные умозаключения в полной мере подчеркивают не только типологические черты прозы М.А. Тарковского, позволяющие называть его представителем неотрадиционализма, но и уникальные сюжетные ходы, индивидуально-авторские интерпретации традиционных образов деревни, дома, города, тайги и пр. В этом обнаруживается несомненная **теоретическая и практическая значимость** исследования.

Положения, выносимые на защиту, адекватно передают суть проведенного исследования и находят непосредственное отражение в работе.

Между тем нельзя не отметить, что иногда диссертант попадает под обаяние чужих формулировок, не замечая нюансов. Так, отнесение изменившей мужу Раи из рассказа «Каждому свое» к воплощению типа «злой жены» (с. 68) совершенно игнорирует тот факт, что «блуд» свершился ради зачатия ребенка в бесплодной паре. Стоит переставить акцент с факта измены на ее причину, и образ приобретает совсем другие краски. Не всегда предлагаемые интерпретации соответствуют сути событий. Пожалуй, не о раскаянии следует вести речь в цитируемом эпизоде (с. 86), где герой счастливо избегает выстрела из самострела, поставленного мужем Раи на росомуху, – раскаяние давно наступило, – но о покаянии как об избавлении от внутреннего конфликта: «И от этой несоизмеримости будто током прошило. Ведь значит простил! Значит, есть Он, есть, есть».

Хотелось бы увидеть более вдумчивый и тонкий анализ всех привлекаемых к исследованию произведений при том, что систематизирующие, классифицирующие выводы – выше всяких похвал. Как, например, можно истолковать авторскую концепцию чтения и творчества, учитывая тот факт, что в рассказе с примечательным названием «Осень» тонет сундук с книгами, но в охотничьей избушке обнаруживается томик сочинений А.С. Пушкина, помимо предложенной интерпретации, что книги на охоте «лишние» и что томик – награда за испытания (с. 166)?

Небольшая небрежность допущена Н.А. Вальяновым при реферировании трудов классиков филологии: «В 1920-е годы в отечественном литературоведении складывается два основных подхода

к изучению природы художественного образа. Одни исследователи рассматривают данную категорию как речевое явление, или свойство художественного языка (В. Гумбольдт, А. Потебня, Р. Якобсон), другие понимают художественный образ как сложный феномен комплексную систему конкретно-чувственных деталей, воплощающих содержание художественного произведения» (с. 139). Отечественным литературоведом 1920-х гг., да и то с большой натяжкой, можно назвать лишь Р. Якобсона, эмигрировавшего из России как раз в начале двадцатых.

Абсурдно-противоречивой выглядит фраза: «Герои М. Тарковского находятся в постоянном движении (отсюда мы разделяем их на “движущихся” и “неподвижных”» (с. 52). Как герои, находящиеся в постоянном движении, могут быть неподвижными?

Все вышеприведенные вопросы и замечания носят либо частный, либо дискуссионный характер и ни в коей мере не умаляют теоретической и практической ценности проведенной работы.

Материалы диссертации Н.А. Вальянова прошли необходимую **апробацию** на международных и всероссийских конференциях и имеют **практическую значимость**. Результаты исследования могут быть использованы при преподавании специальных филологических дисциплин (истории русской литературы XX века и новейшей русской литературы, литературного краеведения и региональной литературы), а также в широком спектре – при обсуждении проблем времени, пространства, типологии героев в русской и мировой литературе.

Автореферат диссертации и публикации (18 печатных работ, в том числе – 5 статей в рецензируемых научных изданиях из списка, рекомендованного ВАК РФ) адекватно и в полном объеме отражает ее содержание. Диссертация и содержательно-методологически, и с точки зрения ее оформления полностью отвечает требованиям, предъявляемым к работам филологического профиля.

Все сказанное позволяет заключить, что диссертация «Художественный мир М.А. Тарковского: пространство, время, герой» представляет собой законченную научно-квалификационную работу, в которой решена актуальная для современного литературоведения научная задача, и обладает методологической, теоретической, историко-литературной и научно-практической значимостью.

Диссертация соответствует требованиям, изложенным в п. 9–14 действующего «Положения о присуждении ученых степеней», а ее автор, Вальянов Никита Александрович, несомненно, заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Отзыв подготовлен доктором филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература, профессором кафедры литературы АлтГПУ Куляпиным Александром Ивановичем и

кандидатом филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература, доцентом кафедры литературы АлтГПУ Богумил Татьяной Александровной.

Отзыв о диссертации Н. А. Вальянова «Художественный мир М. А. Тарковского: пространство, время, герой» заслушан и обсужден на заседании кафедры литературы филологического факультета федерального государственного бюджетного образовательного учреждения «Алтайский государственный педагогический университет» 27 апреля 2018 года, протокол № 8.

27.04.2018 г.

ОТЗЫВ

ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА О ДИССЕРТАЦИИ
ОЛЬГИ ИГОРЕВНЫ ЧУДОВОЙ «Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ВОСПРИЯТИИ
Ф. Н. ГОРЕНШТЕЙНА», ПРЕДСТАВЛЕННОЙ НА
СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ
10.01.01. – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Актуальность проблемы «Русская литература после Ф.М. Достоевского» и формируемого ею проблемного поля вряд ли можно подвергнуть сомнению, тем более что современная отечественная словесность отчетливо обозначила установку на де- и ремифологизацию классического культурного наследия, и определился круг писателей, прямо возводящих свою литературную генеалогию к Ф.М. Достоевскому. Среди таковых далеко не последнее место занимает один из самых ярких писателей последней трети XX века – Ф. Горенштейн, творчество которого основательно и глубоко рассмотрено в диссертации О.И. Чудовой в аспекте художественных связей и перекличек с Ф.М. Достоевским.

Рецензируемая диссертация является практически первым тщательным монографическим исследованием, во-первых, творчества Ф. Горенштейна, а во-вторых, «точек соприкосновения» художественных систем означенного писателя и Ф.М. Достоевского. Причем автор диссертации обращается к практически не изученным в науке текстам Ф. Горенштейна, дает к ним обширный, уникальный и ценный справочно-библиографический комментарий, свидетельствующий о кропотливой работе диссертантки с архивными материалами. Все это составляет несомненную научную новизну, значимость, и высокий «удельный вес» рецензируемой работы.

Особый подход к обозначенной проблеме в аспекте категории литературного типа определяет также научную новизну